

УДК 94(571).08:930
DOI: 10.17223/19988613/71/22

Ю.М. Гончаров, В.Н. Шайдулов

ЕВРЕИ САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ И ГУБЕРНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ АДАПТАЦИОННЫХ ПРАКТИК ОБЩИН «ВНЕ ЧЕРТЫ»

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-59-00010
«Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций XIX–XX вв.».*

Представлены результаты компаративного анализа адаптационных практик евреев в провинциальных регионах Российской империи вне «черты еврейской оседлости». Выявляются основные особенности формирования еврейских общин «вне черты», сходства и различия миграций евреев в сравнении одной из крупных губерний Европейской России и с двумя наиболее заселенными губерниями Западной Сибири: Тобольской и Томской. Выяснено, что адаптационные практики были достаточно близкими.

Ключевые слова: Самара; Сибирь; евреи; община; диаспора; адаптационные практики.

История еврейских общин в России представляет собой научно значимую и актуальную тему. Формирование и бытование еврейской диаспоры в российском государстве имеет большое значение. Еврейские общины и сообщества играли заметную роль в истории государства и общества. Если говорить о евреях дореволюционной России, несомненно, большое влияние на жизнь общин имели условия конкретного региона обитания евреев.

Законодательство Российской империи XIX – начала XX в. четко разделяло евреев, проживавших в «черте оседлости» и вне черты. Значительную специфику имели при этом процессы формирования общин и правовой статус евреев отдельных регионов. Проживавшие вне черты еврейской оседлости иудеи вынуждены были адаптироваться в принимаемом сообществе с учетом специфики региона. Научный интерес представляет сравнение практик адаптации евреев «вне черты» в провинциальных районах Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Предмет исследования работы – сравнение адаптационных практик евреев, проживавших за чертой оседлости, на материалах Самарской губернии и губерний Западной Сибири – Тобольской и Томской.

Необходимо отметить, что история еврейских общин дореволюционной Сибири активно исследуется в последние два десятилетия [1, 2]. Меньше изучена история общины дореволюционной Самары. Источниковая база работы – нормативно-правовые акты, различного рода делопроизводственные документы, отложившиеся в местных и центральных архивах, статистические материалы, путевые заметки путешественников, материалы периодической печати.

Поселение евреев во внутренних губерниях империи было законодательно ограничено. Разрешение обосноваться вне черты еврейской оседлости получали лишь некоторые категории евреев. Преимущественно разрешалось переселяться специалистам: врачам, ма-

стеровым, ремесленникам. В период правления Александра II позволение на постоянное пребывание во внутренних губерниях получали евреи, выбиравшие гильдейское купеческое свидетельство 1-й гильдии, а также солдаты, отслужившие срочную службу, ремесленники, причислившиеся к цехам, и выпускники высших учебных заведений.

В результате некоторой либерализации законодательства в середине XIX в. численность евреев в провинциальных городах внутренних губерний Российской империи постепенно начинает увеличиваться. В Европейской России в определенной степени этому способствовало проведение железной дороги, соединившей региональные центры с другими городами. Например, до Самары железная дорога дошла в 1875 г. В результате население города стало быстро пополняться мигрантами, среди которых были заметны представители еврейского населения, переехавшие из Польши, Белоруссии, Малороссии, Бессарабии.

Самара, как и большинство городов империи, располагалась вне черты оседлости евреев; по этой причине численность общины первоначально была невелика. В частности, в Самарской губернии, по сведениям 1858 г., проживало только 128 чел. «еврейской национальности» (108 муж. и 20 жен.). В 1880–1881 гг. в городе насчитывалось 528 евреев (по преимуществу это были ремесленники и отставные нижние чины с семьями), а по данным Всероссийской переписи 1897 г., в Самарском уезде числились уже 1 329 евреев, при этом губернском городе – 1 327 [3. С. 2].

Еврейское население продолжало прибывать в город и в дальнейшем. Так, в 1901 г., по данным полиции, численность общины выросла на четырех аптекарей, трех дантистов, одного фельдшера, трех повивальных бабок и 12 человек прочих профессий [4].

Особенности складывания еврейских общин Западной Сибири обуславливались ссылкой в данный регион политических и уголовных преступников из

европейской части страны. В результате узаконения «черты еврейской оседлости» (1791) в Зауралье было практически запрещено поселение евреев. На легальных основаниях в Сибири могли пребывать исключительно евреи-христиане, ссыльные, каторжане, а также имевшие особое разрешение иудеи. Несмотря на это, еврейское население в Тобольской и Томской губерниях начиная со второй трети XIX в. достаточно быстро увеличивается. В 1830–1840-е гг. складываются еврейские общины в таких городах, как Каинск, Тобольск, Омск, Томск. Эти годы можно считать начальным этапом формирования еврейской диаспоры в Западной Сибири.

Уже в 1860-е гг. численность диаспоры в Тобольской и Томской губерниях была довольно значительной. Так, по официальным данным за 1864 г., она равнялась 3 014 чел. [5. С. 16]. В этом году евреи числились в составе населения большинства городов Западной Сибири (кроме городов Алтайского горного округа, – Барнаула, Бийска, Колывани и Кузнецка, где их пребывание было запрещено, а также северного Березова). При этом почти две трети евреев числились в крупнейших городах – Омске, Тобольске, Томске.

В пореформенный период, в результате преимущественно ссылки, количество евреев в западносибирском регионе достаточно быстро увеличивалось. В материалах I Всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 г., в числе указавших в качестве родного языка «еврейский» (перепись учитывала население не по национальности, а по родному языку и вероисповеданию) в Тобольской губернии проживали 2 463 чел. [6. С. XXX, XXXII], а в Томской – 7 611 чел. (3 810 муж. и 3 801 жен.) [7. С. 69]. В 1904 г., по сведениям Тобольского губернского статистического комитета, из 20 887 жителей города евреев насчитывалось 2 089 (около 10%) [8]. После начала Первой мировой войны в сибирский регион прибывают беженцы-евреи, эвакуировавшиеся из зоны боевых действий. Только в Томской губернии в октябре 1916 г. их число составляло 890 человек [9].

Характерной чертой расселения евреев вне черты оседлости являлось то, что они селились главным образом в городах. В частности, в Томской губернии, по материалам переписи 1897 г., в городах проживало более двух третей еврейского населения. В Самарской губернии, как указано выше, практически все евреи являлись горожанами.

Еврейские сообщества, где только они ни появлялись, начинали организовывать общины с органами самоуправления; это касалось поселений «вне черты». Государство пыталось контролировать еврейские общины, в том числе органы общинного самоуправления, на которые возлагалась организация религиозной, благотворительной, образовательной и хозяйственной деятельности. Еврейское общинное самоуправление включало в себя институт раввина, хозяйственное правление и было призвано решать не только общественные, но и частные повседневные проблемы членов иудейской общины [10. С. 515].

Таким образом, в провинциальных городах, располагавшихся вне черты еврейской оседлости, еврейские

общины начинают формироваться с середины XIX в., при этом евреи являлись мигрантами, вынужденными адаптироваться в принимающем обществе. Первоначально, после переселения на отдаленные окраины, основными задачами мигрантов были выживание, заработок средств к существованию, внедрение в местную региональную экономику. Поэтому первые адаптационные практики евреев российской провинции как в городах Европейской России, так и в Сибири принимали экономические формы. Те ограничения, которые накладывало законодательство на целый ряд экономических активностей евреев (наиболее значительными они были в Сибири), предоставляли мигрантам в качестве создания материальной основы повседневной жизни прежде всего специфичную для них экономическую нишу «торгового меньшинства» [11. С. 10].

В частности, уже в середине XIX в. некоторые современники указывали именно на торговую специализацию евреев Западной Сибири. Например, корреспондент Императорского русского географического общества (ИРГО) указывал, что евреи в Сибири «занимаются торговлею и живут достаточно» [12]. На страницах газеты «Вестник русских евреев» в 1871 г. современник отмечал: «Занятие евреев в Западной Сибири составляет преимущественно торговля» [13].

Особенной чертой городов «вне черты» являлось то, что в тех поселениях, где образовывались значительные общины евреев, их вклад в экономику был достаточно значительным. Яркий пример из Сибири – г. Каинск Томской губернии (г. Куйбышев Новосибирской обл.), в котором евреи играли ведущую роль в торговле. Значительный вклад в экономическую жизнь вносили евреи и в губернских центрах – Томске и Тобольске.

Можно привести оценку экономических функций евреев, данную современником: «...всякому, хотя бы сколько-нибудь знакомому с сибирскими евреями, невольно бросается в глаза преобладающая роль последних в мелкой и средней торговле, мелком ремесле и извозе. В некоторых городах (как, например, в Ачинске) имеется даже особый тип мелких торговцев евреев, так называемых барахольщиков, занимающихся покупкой и продажей случайных вещей и вообще разного “хлама”... Вы встречаете также сибирских евреев в списке владельцев мыловаренных, кожевенных, шорных и дробильных заводов, но и эти заведения – ничтожны по своей производительности» [14. С. 35].

Мигранты-евреи зачастую привносили не только свой уклад жизни, иную культуру, но и специфические профессиональные и трудовые навыки. Они достаточно активно занимались ремеслами, причиной чему – недостаток квалифицированных специалистов в принимающих регионах. Например, в Самаре в 1875 г. среди ремесленников-евреев упоминались картузники, переплетчики, сапожники, медники, каретники, резчики печатей, часовщики и, конечно же, портные.

На рубеже XIX–XX вв. преимущественной экономической специализацией евреев являлись именно торгово-ремесленные занятия. Можно привести пример по материалам переписи 1897 г., когда евреи, насчитывая только 1,2% самодеятельного населения Каинского округа Томской губернии, наиболее значимый

вклад привносили именно в торговлю: доля евреев-торговцев достигала 34,8% от числа всех занятых в этой отрасли (подсчет по: [7]).

Очевидцы-современники не оставили данное обстоятельство без внимания. Публицист М. Петров указывал: «Из России приехало в земледельческую полосу много евреев. Они устраиваются в городах и на железнодорожных станциях, живя торговлей и ремеслами» [15. С. 94].

Необходимо уделить внимание особенностям предпринимательства евреев в районах «вне черты» империи. Они были достаточно характерными для так называемого «торгового меньшинства», каковым евреи являлись практически в каждом принимающем социуме. Одной из таких особенностей являлось стремление найти незанятую экономическую нишу, позволяющую вписаться в экономическую систему региона. Важным моментом являлось то, что экономическая активность евреев не должна была противоречить действующему законодательству. В результате евреи занимали в первую очередь либо непрестижные для местного населения (ростовщичество, виноторговля), либо незанятые отрасли предпринимательства, что обуславливало новаторский характер предпринимательства в мелком и среднем бизнесе.

Характерным примером является экономическая деятельность евреев Самары. Именно евреи основали в городе сосисочно-колбасное производство, закупая мясо на базарах по всей губернии, где цены были ниже. Сардельки, сосиски, колбаса, шпикачки быстро завоевали популярность самарцев, до тех пор не знакомых с подобной продукцией. Колбасники производили широкий ассортимент, используя всевозможные приправы, применяя рецепты традиционной еврейской кухни. Среди самых популярных колбасников Самары в 1911 г. были Б. Яцкевич и В. Триппель, торговавшие на ул. Льва Толстого, на Дворянской улице заведение держал Дашкевич, на Николаевской торговал магазин «еврейских сосисок» Шифельмана [4].

Традиционно евреи занимались содержанием кондитерских заведений. В Самаре брат и сестра Кейльман содержали два заведения на ул. Соборной – Абрам Вениаминович кондитерскую, а Анна Вениаминовна – магазин конфет. Торговцы собственноручно варили карамель, пастилу, готовили конфеты («конфеты»).

Одной из важных отраслей приложения еврейских капиталов являлась сфера услуг. В частности, в Самаре торговую «Народную баню» в 1886 г. основал на ул. Предтеченской М.А. Чаковский. Баня была весьма крупным даже для губернского города заведением, рассчитанным на 584 клиента. Помимо отделений для простонародья, предлагались услуги 25 «номеров» для богатой публики. В заведении функционировали водопровод, канализация, электрическое освещение от собственной динамо-машины, централизованная подача пара. При предприятии действовала прачечная, и за то время, пока клиент парился и мылся, по его желанию одежда могла быть постирана, высушена в сушилке горячим воздухом, поглажена [Там же].

Стремление найти незанятые предпринимательские ниши в конце XIX – начале XX в. заставляло евреев

идти в новые сферы услуг, связанные с техническим прогрессом (фотография, синематограф и др.). Интересный факт: в 1907 г. мещанин М.Л. Франк построил в Самаре особый павильон на углу Алексеевской и Дворянской улиц. В этом деревянном павильоне Матвей Леонидович открыл первый в Самаре «эротический биоскоп», действовавший на электричестве. На представлениях был наплыв молодежи, аншлаги собирались даже в будни. Самыми востребованными публикой были картины с такими названиями: «Исповедь обольщенной», «Голос плоти», «Компаньонка-авантюристка», «Авиатор и жена журналиста» [16].

Можно признать, что определенными причинами, обусловившими достаточно успешную предпринимательскую деятельность евреев в городах «вне черты», были отсутствие жесткой конкуренции, наличие относительно свободных незанятых ниш в быстроразвивающейся экономике городов провинциальных губерний, а также достаточно отсталые формы организации предпринимательства в провинциальной России, позволяющие евреям проявлять предприимчивость.

Как отмечали исследователи, местные жители были менее конкурентоспособными, потому что «коренные самарцы происходили из тяжкого и неуклюжего феодализма с натуральным хозяйством и подавлением частной инициативы» [4].

Особенно такое положение было характерно для Сибири. Этот отдаленный регион, обладавший значительными неосвоенными ресурсами, недостаточно развитыми ремеслами, промышленностью, а особенно сферой услуг, архаичными формами торговли, предоставлял для предприимчивых людей широкое поле деятельности. Именно в Сибири традиционные адаптационные практики евреев оказались достаточно успешными.

Известный в то время публицист С.В. Максимов отмечал: «Где зашевелились евреи, там мелочная торговля процветает: еврей делается образцом и примером для неподвижного сибиряка-горожанина, которому есть чему у него поучиться. Для Сибири еврей пригоден и полезен... Евреи спланиваются в ассоциации, чтобы ссылка не могла нарушить единство и через живую непрерывную цепь из ловких евреев не обрывалась связь Нерчинска с Верхне-Байкалом, Радзивиловым и Лейпцигом» [17. С. 128].

Еврейские ремесленники, торговцы и предприниматели «вне черты» успешно адаптировались не только в силу своего трудолюбия, активности и предприимчивости. Одним из факторов адаптации было единство, корпоративность, взаимопомощь, «чувство локтя». При необходимости вся община приходила на помощь не только в экономических, но и в жизненных ситуациях. В условиях правовых ограничений и «инаковости» в окружающем сообществе этнорелигиозная кооперация помогала выживанию.

Интересный факт: предприниматели Самары 10 декабря 1901 г. зарегистрировали «Потребительское общество евреев-ремесленников», в числе членов которого числились столяры А.Л. Дубнов и Х.Ш. Гиршевич, маляры Е.Г. Искин и М.Л. Шапиро, заготовщик обуви А.А. Томашевский, шапочники Х.Г. Бергопц и Б.Л. Рах-

ман, переплетчик Д.Л. Вайнберг, резчик печатей С.З. Жиров, парикмахер Л.Я. Сидерман, портной Ю.М. Туф, фотограф А.Д. Либерман и др. Возглавил союз Шмере Тейтельман [18].

Очевидно, что, вырвавшись из нищеты перенаселенных местечек «черты оседлости», оказавшись в быстро развивающихся провинциальных губерниях империи, евреи оказывались в ситуации, как им казалось, неограниченных возможностей.

Необходимо отметить, что предпринимательская деятельность евреев ограничивалась преимущественно сферой мелкого и иногда среднего бизнеса. Это неслучайно, поскольку для проникновения в крупное предпринимательство в России требовались не столько личные качества, сколько связи в кругах чиновников, администрации, которые обуславливались, прежде всего, дворянским происхождением, образованием, православным вероисповеданием, родственными связями.

Однако были и исключения, характерные уже для начала XX в., когда предприимчивые торговцы могли провернуть крупные сделки. Так, Самара являлась одним из крупнейших центров зерноторговли (в начале XX в. через город осуществлялось до 15% экспорта российского зерна). На самарской бирже евреям удавалось осуществлять достаточно крупные сделки. Так, по архивным данным, 25 января 1914 г. торговец А.М. Мордкович купил у М.Г. Израильтона 20 тыс. пудов пшеницы по цене 70 коп. за пуд, в этот же день Г.М. Бродский приобрел у Торгового дома Х.Б. Ротенбург 25 тыс. пудов по цене 71,5 коп.; Торгово-промышленное товарищество «Н.Е. Башкиров и наследники» купило у товарищества «Луи Дрейфус и К^о» 50 тыс. пудов пшеницы-белотурки по цене 91 коп. за пуд. Указанные сделки оформил самарский присяжный поверенный Х.Н. Иоффе, биржевой маклер [19].

Крупным предпринимателем можно считать самарского купца первой гильдии Гобши Боруховича Кагана. В 1882 г. он основал в Самаре мыловаренный завод «с ручным способом выделки мыла». Через 15 лет, в 1897 г., завод был оснащен нефтяным двигателем, выписанным из-за границы. Туалетное мыло фабрики Кагана продавалось по всему Поволжью, достигло Средней Азии и Сибири. Продукция получала призы на российских и международных выставках [4].

В Сибири к числу крупных предпринимателей относился омский виноторговец Миней Мариупольский. Однако для развертывания своего масштабного дела ему пришлось перейти в христианство, что также можно отнести к числу адаптационных практик. В целом же в Сибири было достаточно много еврейских купцов-первогильдейцев, имевших значительные обороты (можно упомянуть томских купцов Хотимских, Ельденштейнов, И.Л. Фуксмана, новониколаевских Абрамовичей и др.), что обуславливалось более толерантным отношением к евреям в сибирском социуме [20. С. 55–77].

Ситуация, связанная с включением в экономическую жизнь в новом регионе с доминирующим иноэтничным и иноконфессиональным большинством, диктовала необходимость освоения русского языка, норм общения, стереотипов поведения, характерных для принимающего социума. Успешное применение евре-

ями данных практик приводило к тому, что спустя несколько десятилетий достаточно характерными стали явления аккультурации [21. С. 87].

Можно привести целый ряд свидетельств современников, отметивших эту ситуацию: «С течением времени типическая внешность бывшего еврея “черты” стирается мало помалу, и он, часто незаметно для себя, становится рабом окружающей среды – он подражает, внешним образом ассимилируется и начинает любить свою новую родину» [14. С. 35]; «еврей в Сибири ничем не отличается от сибиряка другой национальности ни по внешнему облику, ни по образу жизни, и даже в религиозной твердыни пробита заметная брешь» [22. С. 16].

Отдельный сюжет – отношение местных властей (муниципальных и государственных) к евреям-переселенцам. Так, например, городской голова Самары П.В. Алабин положительно относился к водворению евреев в город. Он обоснованно считал, что еврейские торговцы и ремесленники приносят в экономику города свои умения, знания и опыт. Для восприятия опыта Алабин постановил: набор учеников и работников необходимо осуществлять только из среды местных жителей-православных. Глава городского самоуправления писал: «На всех улицах, преимущественно на бойких местах, евреи из отставных и бессрочных солдат стали торговать водкой и пивом. Они устраивали торговые бани, открыли два трактирных заведения на Троицкой площади, несколько лавок с готовым платьем и обувью. Многие занимаются своим любимым промыслом – ссудой денег под верные залоги и на короткие сроки за 10–15% в месяц» [4].

Однако подобные примеры были нечастыми. Нередко местная администрация как в Европейской части России, так и в Сибири, следуя текущим постановлениям правительства, старалась избавляться от еврейского населения [20. С. 24–26].

Так, в Самаре пытался пунктуально осуществлять подобные меры вице-губернатор В.Г. Кондоиди. Губернские чиновники настолько прямолинейно выполняли предписания, что, как отмечали исследователи, «прославились» на всю империю. Нередко фактически «выжимались» полицией подобные обязательства: «14 августа 1897 г. я, нижеподписавшаяся жена мещанина Сувальской губ. Лейбы Фавильевича Мацевичского, Роза дала подписку помощнику пристава I участка 2-й части Самары в том, что обязуюсь не далее как в течение 6 дней от сего числа выехать с семейством из Самары в черту постоянной еврейской оседлости...» [23].

Одной из важнейших для еврейского народа адаптационных практик в принимающем социуме, позволяющих успешно жить и сохранять свою идентичность, являются, без сомнения, практики общинно-религиозной жизни.

Едва обосновываясь в городах вне черты оседлости, евреи пытались организовать свою религиозную жизнь, как только это позволяли численность общины, материальное благосостояние ее членов и законодательство Российской империи. В Самаре первым религиозным центром стал уже в 1880 г. дом купца М.А. Чаковского по ул. Николаевской. Там был орга-

низован молельный дом, а также располагалось хозяйственное правление «Ашкеназе». В состав правления входили авторитетные иудеи: сам хозяин – Матвей Абрамович Чаковский, М.Л. Боберман, Л.Л. Зелихман, С.П. Ванштейн и др. [24].

Молитвенный дом был организован в соответствии с «Временными правилами», принятыми Министерством внутренних дел 27 июля 1877 г. для евреев вне черты оседлости. Уже вскоре, в 1887 г., открылся второй молитвенный дом – в доме самарского купца Г.Д. Маркинсона по Николаевской улице. Этот дом организовали сефарды, имевшие значительные отличия от ашкеназов. Во главе общества «Сафард» стоял самарский купец В.М. Боберман [4]. Интерес вызывает тот факт, что ашкенази и сефарды имели единое хозяйственное управление.

Увеличение численности общины со временем поставило вопрос о строительстве синагоги, о чем 19 июня 1903 г. было от еврейской общины подано прошение на имя губернатора. В прошении отмечалось, что существующие здания молитвенных домов «недостаточны в гигиеническом отношении для прихожан евреев. Здания опасны в случае пожара, а содержание двух молелен вызывает двойной расход». Достаточно оперативно, уже 10 ноября 1903 г., прошение было удовлетворено. Для строительства синагоги община купила усадьбное место, смета на строительство предварительно исчислялась в 50 тыс. руб., каковая сумма должна была быть собрана за счет добровольных пожертвований [25].

В фонде полицейского управления Самары сохранился документ, гласящий: «Рапорт от 9 февраля 1912 г., № 696. Доношу, что евреев в г. Самаре зарегистрировано 1 326 чел., особой ассимиляции евреев с русскими не замечено... Хоральная синагога посещается в достаточном количестве... Причем евреи в своих убеждениях веры тверды» [26].

В Сибири еще в первой половине XIX в., с момента формирования общин, начинается активность местных евреев по организации общинной жизни: открываются погребальные братства (Тобольск, 1813), молитвенные школы (Каинск, 1816). В 1867 г. «в видах доставления евреям возможности отправления общественных молитв и богомоления и совершения религиозных обрядов, а также исполнения требования местных начальств о приводе их к присяге», Министерство внутренних дел имело право давать разрешение на учреждение молелен, а также хозяйственных правлений еврейских общин в поселениях вне черты оседлости [27. С. 17]. В середине XIX в. открываются первые синагоги в Омске, Ишиме, Томске.

После вступления в силу Манифеста 1905 г. и Указа о веротерпимости 1907 г., в значительной степени изменивших национально-конфессиональную политику правительства, в Западной Сибири разворачивается строительство новых богослужебных зданий иудеев. Так, уже в 1909 г. еврейское молитвенное общество

Тюмени направляет ходатайство о строительстве в уездном городе новой синагоги (каменной), на которое было получено разрешение. После постройки новой тюменской синагоги (1912), предыдущая была закрыта, так как в городе не хватало евреев для функционирования двух богослужебных здания (дополнительная синагога разрешалась только в том случае, если количество еврейских домов превышало 80) [28. С. 170].

В 1909 г. в Томске, по данным ЦСК, числилось 4 синагоги (на самом деле, конечно, синагога была одна, остальные же имели статус молитвенных школ) и по одной – в Каинске, Мариинске, Новониколаевске, Тобольске, Таре, Тюмени [29].

В 1912 г., по сведениям книги «Город Томск», в городе действовало три синагоги. Их руководителями были: «томский еврейский раввин Б. Беры. Лица духовного правления: по первому приходу (каменная синагога): староста – А.Я. Дондо, казначей – И.Я. Заиграев, ученый – М.А. Лурия; по второму приходу (каминерская синагога): староста – М.И. Хейсин, казначей – А.Х. Барухович, ученый – Г.И. Дистлер; по третьему приходу (солдатская синагога): староста Г.Я. Цам, казначей Е.В. Альперович, ученый – С.И. Лейбович» [30. С. 25].

Таким образом, в результате достаточно успешных адаптационных практик, применявшихся евреями, оказавшимися в провинциальных городах Российской империи «вне черты», в конце XIX – начале XX в. евреи под влиянием местных условий сформировали достаточно специфические региональные общности. Еврейские общины провинциальной империи очень сильно отличались по экономическому и социальному положению, образу жизни, культурно-психологическому типу от евреев черты оседлости, во многом воспринимая местные социально-экономические и ментальные особенности различных регионов. Местные общины по-разному были связаны с этническим большинством и властными структурами.

Благодаря тому, что общины в городах «вне черты» были многочисленными и влиятельными, местные евреи во многом сохраняли свои религиозные чувства и национальные особенности. Наибольшие возможности для участия в религиозной жизни имели жители тех городов, где существовали крупные общины. В городах с незначительным еврейским населением также предпринимались попытки наладить общинную жизнь.

Можно отметить, что в провинциальных городах как европейской части страны, так и Западной Сибири евреи применяли одинаковые адаптационные практики, способствовавшие выживанию и сохранению общинной жизни и национально-конфессиональной идентичности.

В конце XIX – начале XX в. евреи сумели успешно интегрироваться в регионах проживания «вне черты» и адаптироваться к новым условиям, став одним из компонентов местного социума, сохранив при этом свою национально-конфессиональную идентичность и сумев не перейти грань между аккультурацией и ассимиляцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макачук С.В., Генина Е.С., Гончаров Ю.М. Проблемы истории еврейских общин Сибири XX – начала XXI вв. в оценках современных отечественных исследователей // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 108–115.

2. Shaidurov V. Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century // *Bylye gody*. 2014. № 32 (2). pp. 239-244.
3. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 36: Самарская губерния. XII, 201 с.
4. Демидов А., Демидова В., Демидова И. Люди и мундиры. Из истории Самарского края XIX – начала XX веков. Самара, 2017. URL: <https://proza.ru/2015/11/09/382> (дата обращения: 08.02.2021).
5. Ивонин А.Р. Еврейское население Западной Сибири в демографических процессах 30-х – начала 60-х гг. XIX в. // История еврейских общин Сибири и Дальнего Востока : материалы III регион. науч.-практ. конф. Красноярск ; Улан-Удэ : Кларетинум, 2002. С. 16–22.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 78: Тобольская губерния. XLVI, 247 с.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904. Т. 79: Томская губерния. XXVI, 246 с.
8. Государственный архив в г. Тобольске (ГБУТО ГАТ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 652. Л. 5.
9. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 94. Л. 50.
10. Романов Р.Е., Ключева В.П. Евреи // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. Т. 1: А–И. С. 514–520.
11. Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ» // Сибирский еврейский сборник. Иркутск : Арком, 1996. № 2. С. 8–16.
12. Архив Русского географического общества (АРГО). Раз. 59. Оп. 1. Д. 15. Л. 12.
13. Гудович. Быт евреев в Сибири // Вестник русских евреев. 1871. № 30.
14. Островский Ю. Сибирские евреи. СПб. : Тип. И. Лурье и К°, 1911. 62 с.
15. Петров М. Западная Сибирь: губернии Тобольская и Томская. М., 1908. 211 с.
16. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 12. Д. 4626.
17. Максимов С.В. Сибирь и каторга. СПб. : Типо-лит. Н. Стефанова, 1871. Ч. 1: Несчастные. 459 с.
18. ГАСО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 1445. Л. 10–11.
19. ГАСО. Ф. 391. Оп. 1. Д. 63.
20. Гончаров Ю.М. Еврейские общины Западной Сибири (XIX – начало XX в.). Барнаул : Азбука, 2013. 174 с.
21. Кальмина Л.В. Диаспоры в Сибири: закономерности и особенности интеграции (середина XIX – начало XX в.) // Адаптационные механизмы и практики в традиционных и трансформирующихся обществах: опыт освоения Азиатской России. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. С. 86–90.
22. Моравский В. Сибирские евреи и конституция // Сибирские вопросы. 1909. № 35. С. 15–19.
23. ГАСО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 768. Л. 12.
24. ГАСО. Ф. 465. Оп. 1. Д. 1445. Л. 1.
25. ГАСО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 4352. Л. 1–31.
26. ГАСО. Ф. 465. Оп. 2. Д. 130. Л. 14.
27. Ключева В.П. Евреи в Западной Сибири: политика государства и проблемы адаптации в сибирском обществе (XVII – начало XX в.) // «Приезд и водворение в Сибирь евреям воспрещается...» Из истории еврейской общины в Тюмени. Тюмень : Ред. газеты «Тюменский курьер», 2004. С. 5–27.
28. Гончаров Ю.М. Религиозная жизнь как форма национальной самоорганизации еврейских общин Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 168–174.
29. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 5. Д. 245, 246.
30. Город Томск. Томск : Изд. Сиб. т-ва печатного дела в Томске, 1912. 378 с.

Yuriy M. Goncharov, Altay State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: yuriig@yandex.ru

Vladimir N. Shaidurov, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: s-w-n@mail.ru

THE JEWS OF THE SAMARA PROVINCE AND THE PROVINCES OF WESTERN SIBERIA AT THE SECOND HALF OF THE 19th – EARLY OF THE 20th CENTURY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE ADAPTIVE PRACTICES OF COMMUNITIES “OUTSIDE THE LINE”

Keywords: Samara; Siberia; Jews; community; diaspora; adaptation practices.

The history of Jewish communities in the Russian Empire is of great interest, due to the importance of the problems of national-confessional relations in modern Russia. A specific important subject of the problem is the existence of Jewish communities outside the pale of Jewish settlement in the provincial cities of pre-revolutionary Russia. An important subject for the study is the adaptation practices of Jews who found themselves in a foreign-ethnic environment as a result of migrations. The comparison of adaptation practices in different regions is of research interest. The aim of the study is a comparative analysis of the application of adaptation practices on the example of comparing the Jewish communities of the Samara province and the provinces of Western Siberia: Tobolsk and Tomsk in the second half of the 19th – early of the 20th century.

The paper is based on a wide range of historical sources: normative legal acts, office documentation preserved in local and central archives, statistical materials, notes of travelers, materials of the periodical press.

The article considers the main features of the formation of Jewish communities “outside the line”, the similarities and differences of Jewish migrations in comparison with one of the major provinces of European Russia and the two most populated provinces of Western Siberia: Tobolsk and Tomsk provinces. The investigation deals with the economic aspects of the life of Jews in cities outside the Jewish settlement, the problems of perception of the forms of life of the surrounding community, the relationship with the administration, community and religious life as practices of adaptation.

As a result of the research work, it was found that the adaptation practices in the provincial cities of the Russian Empire, located outside the Jewish pale of settlement, were quite close. First of all, the Jews who found themselves in a alter-ethnic and alter-confessional environment were engaged in issues of survival, which was manifested in the practice of inclusion in the existing economic system of the region. The displaced Jews primarily sought economic sphere for income generation, including those that were not prestigious for the local population (usury, wine trade), and innovative in the service sector. Mostly Jewish immigrants were engaged in crafts, trade, and services. An important factor of adaptation was the assimilation of the language, the norms of behavior, and the communication system of the host society. The organization of community and religious life was very important for the preservation of national and confessional identity and survival in the local community. In the main features, the adaptation practices of the Jews of the Samara province and the Jews of Western Siberia were similar. At the beginning of the 20th century in the provincial cities of the Russian Empire, outside of the Jewish settlement, regional Jewish communities were formed, which successfully adapted to local conditions.

REFERENCES

1. Makarchuk, S.V., Genina, E.S. & Goncharov, Yu.M. (2020) Issues of the history of Jewish communities in Siberia of the 20th – early 21st centuries as viewed by contemporary Russian researchers. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 64. pp. 108–115. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/64/14.
2. Shaydurov, V.N. (2014) Jews and their social status in the society of Siberia in XIX century. *Bylye gody*. 32(2). pp. 239–244.
3. Russia. (1904a) *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 36. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
4. Demidov, A., Demidova, V. & Demidova, I. (2017) *Lyudi i mundiry. Iz istorii Samarskogo kraia XIX – nachala XX vekov* [People and uniforms. From the history of Samara Region of the 19th – early 20th centuries]. [Online] Available from: <https://proza.ru/2015/11/09/382> (Accessed: 8th February 2021).
5. Ivonin, A.R. (2002) Evreyskoe naselenie Zapadnoy Sibiri v demograficheskikh protsessakh 30-kh – nachala 60-kh gg. XIX v. [The Jewish population of Western Siberia in the demographic processes of the 1830s – early 1860s]. In: Kofman, Ya.M. (ed.) *Istoriya evreyskikh obshchin Sibiri i Dal'nego Vostoka* [History of the Jewish communities of Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk; Ulan-Ude: Klaretianum. pp. 16–22.
6. Russia. (1905) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 78. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
7. Russia. (1904b) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g.* [The First General Census of the Population of the Russian Empire in 1897]. Vol. 79. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs.
8. The State Archive in Tobolsk (GBUTO GAT). Fund 417. List 1. File 652. p. 5.
9. The State Archive of Tomsk Region (GATO). Fund. 7. List 1. File 94. p. 50.
10. Romanov, R.E. & Klyueva, V.P. (2009) Evrei [Jews]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri : v 3 t.* [Historical Encyclopedia of Siberia. In 3 vols]. Vol. 1. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. pp. 514–520.
11. Dyatlov, V.I. (1996) Evrei: diaspora i “torgovyy narod” [Jews: Diaspora and “trade people”]. In: Dyatlov, V.I. & Yakobson, A.Ya. (eds) *Sibirskiy evreyskiy sbornik* [Siberian Jewish Collection]. Vol. 2. Irkutsk: Arkom. pp. 8–16.
12. The Archive of the Russian Geographical Society (ARGO). Fund 59. List 1. File 15. p. 12.
13. Gudovich. (1871) Byt evreev v Sibiri [Life of the Jews in Siberia]. *Vestnik russkikh evreev*. 30.
14. Ostrovskiy, Yu. (1911) *Sibirskie evrei* [Siberian Jews]. St. Petersburg: Tip. I. Lur'e i K^o.
15. Petrov, M. (1908) *Zapadnaya Sibir': gubernii Tobol'skaya i Tomskaya* [Western Siberia: The provinces of Tobolsk and Tomsk]. Moscow: [s.n.].
16. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 1. List 12. File 4626.
17. Maksimov, S.V. (1871) *Sibir' i katorga* [Siberia and Penal Servitude]. Vol. 1. St. Petersburg: N. Stefanov.
18. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 465. List 1. File 1445. pp. 10–11.
19. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 391. List 1. File 63.
20. Goncharov, Yu.M. (2013) *Evreyskie obshchiny Zapadnoy Sibiri (XIX – nachalo XX v.)* [Jewish communities of Western Siberia (19th – early 20th century)]. Barnaul: Azbuka.
21. Kalmina, L.V. (2008) Diaspory v Sibiri: zakonomernosti i osobennosti integratsii (seredina XIX – nachalo XX v.) [Diasporas in Siberia: regularities and features of integration (mid. 19th – early 20th centuries)]. In: Shelegina, O.N. (ed.) *Adaptatsionnye mekhanizmy i praktiki v traditsionnykh i transformiruyushchikhsya obshchestvakh: opyt osvoeniya Aziatskoy Rossii* [Adaptive mechanisms and practices in traditional and transforming societies: the experience of the development of Asian Russia]. Novosibirsk: SB RAS. pp. 86–90.
22. Moravskiy, V. (1909) Sibirskie evrei i konstitutsiya [Siberian Jews and the Constitution]. *Sibirskie voprosy*. 35. pp. 15–19.
23. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 465. List 1. File 768. p. 12.
24. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 465. List 1. File 1445. p. 1.
25. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 1. List 12. File 4352. pp. 1–31.
26. The State Archive of Samara region (GASO). Fund 465. List 2. File 130. p. 14.
27. Klyueva, V.P. (2004) Evrei v Zapadnoy Sibiri: politika gosudarstva i problemy adaptatsii v sibirskom obshchestve (XVII – nachalo XX v.) [Jews in Western Siberia: state policy and problems of adaptation in Siberian society (17th – early 20th century)]. In: Goldberg, R.S. & Klyueva, V.P. (eds) *“Priezd i vodvorenie v Sibir' evreyam vospreshchaetsya...” Iz istorii evreyskoy obshchiny v Tyumeni* [“Arrival and placement in Siberia is forbidden to Jews...”]. From the history of the Jewish community in Tyumen]. Tyumen: Tyumenskiy kur'er. pp. 5–27.
28. Goncharov, Yu.M. (2010) Religious life as a form of national self-organization of Jewish communities in Western Siberia in the middle of the 19th – early 20th century]. *Vestnik arkheologii i etnografii*. 2(13). pp. 168–174. (In Russian).
29. The Russian State Historical Archive (RGIA). Fund. 1290. List 5. Files 245, 246.
30. Malinovsky, I. et al. (1912) *Gorod Tomsk* [Tomsk]. Tomsk: Izdanie Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske.